

ПО ПОВОДУ ИСТОРИЧЕСКИХ УКАЗАНИЙ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ВОЙНА И МИРЪ

Графа Л. Н. Толстаго (*).

Ни одно литературное явленіе послѣдняго времени не производило на русское общество такого сильнаго впечатлѣнія, не читалось съ такимъ интересомъ, не приобрѣтало столько поклонниковъ, какъ „Война и миръ“ графа Л. Н. Толстаго.

Недавно вышелъ въ свѣтъ нетерпѣливо ожидаемый 4-й томъ этого сочиненія, въ которомъ авторъ, не довольствуясь ролью талантливаго литератора, выступаетъ какъ историческій критикъ, съ замѣчательной нетерпимостью, а подѣ часъ и съ ироніей, третирующій историковъ, занимавшихся изслѣдованіемъ избранной имъ эпохи.

Подкупленная литературными достоинствами труда графа Толстаго, публика, съ довѣрчивостью, слѣдно, слѣдуетъ и его историческимъ указаніямъ, вѣрять его философскимъ теоріямъ,

(*). Предлагаемая статья была приготовлена уже семь мѣсяцевъ назадъ. Авторъ старался сдѣлать ее вполне доступною не для однихъ специалистовъ, близко знакомыхъ съ описываемою эпохой, но и для всей массы читателей „Войны и мира.“

Авторъ.

(*). Хотя на страницахъ нашего журнала уже помѣщены были двѣ статьи по поводу романа графа Л. Н. Толстаго, но распространеніе здравыхъ идей о военномъ дѣлѣ и вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній, особенно касающихся такой эпохи какъ наша отечественная война, редакція считаетъ дѣломъ столь важнымъ, что съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаетъ предлагаемую статью, въ которой авторъ, отдавая должное художнику, неопровержимыми фактами доказываетъ его несостоятельность, какъ историка. Считаемъ нужнымъ добавить, что статья эта уже нѣсколько мѣсяцевъ предоставлена была въ распоряженіе редакціи и является въ печати поздно помимо воли ея автора и отъ причинъ независящихъ отъ редакціи.

Отъ редакціи.

и только весьма не многіе видятъ разницу между графомъ Толстымъ—философомъ и историкомъ, и графомъ Толстымъ — художникомъ.

А разница между ними — громадная!

Отдавая полную справедливость неотъемлемому литературному таланту автора и даже не касаясь вопроса: умѣстно или неумѣстно проводить въ литературномъ произведеніи какия бы то ни было доктрины не въ образахъ, а въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій, мы займемся исключительно историческимъ элементомъ, занимающимъ такое видное мѣсто въ 4-мъ томѣ новаго произведенія графа Толстаго.

Но, прежде чѣмъ приступить къ предстоящему разбору, полагаемъ не лишнимъ остановиться на авторской защитѣ историческихъ указаній 4-го тома, помѣщенной въ 3-й книжкѣ „Русскаго Архива“.

Первые четыре пункта этой статьи, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ по доводу книги Война и миръ“, какъ не касающіеся исторіи, мы оставимъ въ сторонѣ. Отвѣтомъ на 6-й пунктъ, въ защиту фатализма въ исторіи, могутъ служить замѣчанія наши, изложенныя ниже, при разборѣ 4-го тома „Войны и мира“. Остается разобрать положенія автора, высказываемыя въ 5-мъ пунктѣ авторской апологіи.

Авторъ начиняетъ съ того, что, говоря о различныхъ задачахъ историка и художника, утверждаетъ, будто „историкъ обязанъ иногда, пригибая истину, подводить всѣ дѣйствія историческаго лица подъ одну идею, которую онъ вложилъ въ это лице. Художникъ, напротивъ“ и т. д.

Удивительное понятіе о задачѣ и о средствахъ историка! Итакъ, значить, историкъ „обязанъ“ взять изъ собственной головы какую нибудь идею, „сложить“ ее въ историческое лицо, и затѣмъ подводить всѣ его дѣйствія подъ предвзятую идею. Спорить противъ этого мы не станемъ, но не можемъ не высказать, что мы, лично, понимаемъ задачу историка нѣсколько иначе: историкъ, по нашему мнѣнію, долженъ приступать къ избираемой эпохѣ безъ всякихъ предвзятыхъ идей; онъ долженъ прежде всего тщательно ознакомиться съ фактами, сличить противорѣчащія показанія, порыться, если возможно, въ архивной пыли, въ сыромъ, неразработанномъ еще матеріалѣ, и затѣмъ уже, пріобрѣта, такимъ образомъ, твердую почву, дѣлать свои выводы, проводить идеи, но не взятыя съ вѣтра, а строго вытекающія изъ анализа фактовъ.

Слѣдя за авторомъ далѣе, никто не станеть съ нимъ спорить, что при описаніи сраженій невозможно соблюсти строгую истину: дѣйствіе происходитъ такъ быстро, картина боя такъ разнообразна и драматична, а дѣйствующія лица находятся въ такомъ напряженномъ состояніи, что это становится совершенно понятнымъ; но дѣлать отсюда выводъ о степени достоверности историческихъ изслѣдованій вообще, это—тоже, что по одному помѣшанному судить объ умственныхъ способностяхъ всего человѣческаго рода.

Да и относительно правдивости описаній сраженій, графъ Толстой хватилъ, какъ говорится, черезъ край. Есть, конечно, такія минуты боя, которыя неуловимы даже для очевидцевъ, а подъ часъ и умышленно искажаются ими; но всѣ *предварительныя распоряженія*, всѣ дѣйствія *внѣ сферъ выстрѣловъ*, вполне поддаются правдивому описанію; если бы и появилась здѣсь умышленная ложь, то она почти всегда обнаруживается посредствомъ сличенія различныхъ показаній. Что же касается поведенія войскъ въ сферѣ огня, то и здѣсь есть у историка руководящая нить: отступленіе противника, напримѣръ, такъ же какъ значительныя численныя потери, служатъ признакомъ хорошаго поведенія войскъ; отступленіе съ нашей стороны, при малыхъ потеряхъ, можетъ служить обратнымъ признакомъ и т. п.

Перечислить всѣ приемы невозможно, такъ какъ это дѣло чисто практическое, зависящее отъ личной способности изслѣдователя анализировать факты.

Имѣя въ виду все вышесказанное, точно также какъ и мнѣніе автора, что

„художникъ долженъ руководствоваться, какъ и историкъ, историческими матеріалами“ (стр. 523),

мы рѣшительно не понимаемъ, отчего же должно быть непременно

„разногласіе между художникомъ и историкомъ въ описаніи событій“ (стр. 523)

Мы понимаемъ, что художникъ, не простой романистъ, а художникъ, рѣшившійся написать

„не романъ, не поэму, а „Войну и Миръ“ (стр. 515), посвятившій для этого пять лѣтъ исключительнаго труда (стр. 515) и собравшій цѣлую бібліотеку матеріаловъ (стр. 523).

что такой художникъ можетъ обходить молчаніемъ вещи, на которыхъ останавливается историкъ и, наоборотъ, удѣлять особенное вниманіе характеристикѣ лицъ историческихъ, и даже

на историческихъ, служащихъ для обрисовки эпохи; мы даже не требуемъ отъ такого художника, чтобы разговоры историческихъ лицъ были вѣрны исторически: пусть только они не противорѣчаютъ ходу событій и вѣрно очерчиваютъ характеръ лица; но грубаго противорѣчія въ фактахъ, не происходящихъ въ сферѣ выстрѣловъ, мы не допускаемъ. Здѣсь одно изъ двухъ: или ошибается художникъ, или глупъ историкъ.

Если художникъ своими измысливими достигъ истины—она съ благодарностью должна быть принята исторіей. Если ошибается художникъ (повторяемъ, не романистъ, а художникъ, поставившій себѣ такую задачу, какъ графъ Толстой, вступавшій въ своемъ произведеніи въ область философіи и исторической полемики), если ошибается такой художникъ, если онъ слишкомъ легкомысленно, безъ всякой подготовки, берется за рѣшеніе историческихъ вопросовъ и самонадѣвно осыпаетъ упреками людей, серьезно работавшихъ на этомъ поприщѣ—упреки эти, по справедливости, должны обратиться на его же собственную голову.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе относительно страшной оцѣнки авторомъ историческихъ трудовъ, посвященныхъ эпохѣ войны 1812 года. Владѣя цѣлой бібліотекой матеріаловъ (стр. 523), авторъ называетъ двумя

„главными историческими произведеніями этой эпохи Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго“ и „приходя въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги“ (стр. 523),

тѣмъ не менѣе прилежно изучаетъ ихъ, будучи, по видимому, вполне убѣжденъ, что лучшаго, нигдѣ и ничего, найти невозможно. Но вотъ подлинныя слова автора:

„Часто, изучая два главныхъ историческихъ произведенія этой эпохи, Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго, я приходилъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги. Не говоря уже объ изложеніи однихъ и тѣхъ же событій самымъ серьезнымъ, значительнымъ тономъ, съ ссылками на матеріалы (*) и диаметрально—противоположно одинъ другому, и встрѣчалъ въ этихъ исторіяхъ такіа описанія, что не знаешь, смѣяться или плакать, когда вспомнишь, что объ эти книги единственные (?) памятники той эпохи и имѣютъ миллионы читателей. Приведу только одинъ примеръ изъ книги знаменитаго историка Тьера“

и авторъ приводитъ дѣйствительно чудовищно-дикую тираду изъ Тьера. Напрасно не привелъ авторъ въ „pendant“

(*) Замѣтимъ, между прочимъ, что Тьеръ никогда не ссылается на матеріалы. Уже одинъ этотъ характеръ его сочиненія не можетъ доставить ему права на серьезное историческое изслѣдованіе.

не менѣе нелѣпыя вещи, встрѣчающіяся у Михайловскаго-Данилевскаго, въ родѣ, напримѣръ, того, что въ полевомъ сраженіи войска стрѣляютъ калеными ядрами, что, какъ извѣстно, положительна невозможно и никогда не случается; но напрасно также не вывелъ авторъ изъ нелѣпностей, встрѣчающихся у Тьера и у Михайловскаго-Данилевскаго, заключенія о томъ, что писатели эти не „главные“ для изученія этой эпохи.

Впрочемъ, графъ Толстой, вѣроятно, потому не пришелъ къ такому простому умозаключенію, что, по его мнѣнію, это не только главные, но и „единственные“ памятники той эпохи“. Въ такомъ случаѣ, какъ понять слѣдующія слова автора: „Вездѣ; гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріалами, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая бібліотека книгъ, заглавія которыхъ я не нахожу надобности выписывать здѣсь, но на которыя всегда могу сослаться“.

Какія же это книги? Если Тьеръ и Михайловскій-Данилевскій „единственные“ памятники той эпохи“ и если подъ этимъ слѣдуетъ, конечно, разумѣть „историческіе памятники“, то изъ какихъ же книгъ составлена бібліотека автора?

По нашему мнѣнію, Тьеръ и Михайловскій-Данилевскій не единственные, и даже не главнѣйшія „историческія произведенія этой эпохи“. Мало того, оба эти писателя, включая сюда и графа Сегюра, писатели наиболѣе краснорѣчивые, но едва ли не *наименѣе достойные вѣры* изъ всѣхъ, описывавшихъ войну 1812 года.

Памятниковъ же этой эпохи (разумѣемъ историческіе труды о ней), не два только, а множество. Перечислимъ нѣкоторые изъ нихъ:

На французскомъ языкѣ: Шамбре, Гувьонъ-Сень-Сиръ, Фезансакъ, Гурго, Воданкуръ, Фень (Fain), Лабомъ, Чичаговъ и др.

На нѣмецкомъ: Бернгарди, Клаузевицъ, Гофманъ, Шрекентштейнъ, герцогъ Евгений Виртембергскій, Канкринъ и др.

На англійскомъ: Вильсонъ.

На русскомъ: Ермоловъ, Бутурлинъ и наконецъ Богдановичъ, сочиненіе котораго, вмѣстѣ съ Шамбре и Бернгарди, можетъ, по справедливости, считаться *главнымъ* источникомъ для изученія эпохи 1812 года.

Полагаемъ теперь возможнымъ приступить къ самому разбору четвертаго тома „Войны и мира“, къ разбору, повто-

ръемъ, только съ исторической точки зрѣнія, оставляя въ сторонѣ неоспоримыя литературныя достоинства романа. При этомъ мы не будемъ касаться мелочей и, въ большей части случаевъ, оставимъ въ сторонѣ даже характеристику лицъ, такъ какъ духовныя силы дѣятелей болѣе или менѣе подлежатъ спору. Обратимъ вниманіе только на вопросы болѣе важныя и на заблужденія автора, не подлежащія сомнѣнію.

Ученіе о томъ, что не отдѣльныя личности руководятъ міровыми событіями, а что, напротивъ, онѣ являются но болѣе какъ орудіями неизбежнаго порядка вещей—ученіе не новое, и принятое почти всеми новѣйшими историками—философами; но графъ Толстой развиваетъ это ученіе до самыхъ крайнихъ предѣловъ. По его мнѣнію, не только люди толпы, но даже руководящія массы (послѣдніе даже по преимуществу) не болѣе, какъ автоматы: Наполеонъ начинаетъ войну съ Россіей самъ не зная зачѣмъ, помимо своей собственной воли; онъ идетъ на Москву также не зная зачѣмъ; онъ дѣлаетъ это, будучи вполне увѣренъ, что въ Москвѣ ждетъ его гибель, а между тѣмъ не можетъ остановиться, и идетъ на свою гибель, какъ пролигъ въ пасть удава. Онъ даетъ Бородинское сраженіе; но это только такъ *кажется*, и это ложно, точно такъ же, какъ ложно полагаютъ слѣдцы—историки, что Наполеонъ игралъ какую либо роль въ этомъ бою, дѣлалъ какія либо распоряженія. Напротивъ того, все сдѣлалось въ бородинскомъ сраженіи само собою, и никакое распоряженіе Наполеона ничего не могло измѣнить въ судьбѣ этого дня; роль же его въ приготовленіяхъ къ сраженію заключалась, по словамъ графа Толстаго, чуть ли не единственно въ томъ, что онъ кряхтѣлъ и поворачивался „жирнымъ тѣломъ“ подъ цѣтками ловкаго камердинера.

Нелѣпость такихъ выводовъ бросается въ глаза сама собою, и происходитъ отъ того, что теорію, вполне примѣнимую къ общему теченію міровыхъ событій, графъ Толстой вздумалъ примѣнить къ частнымъ дѣяніямъ, а это, по меньшей мѣрѣ, несправедливо.

На общее теченіе дѣлъ вліяютъ общіе неизмѣнныя законы; но лишь только вы переходите къ частностямъ, какъ являются отступленія отъ общаго порядка вещей. Это примѣнимо во всемъ.

Статистика, такъ много объяснявшая намъ въ послѣднее

время, говорить, напримеръ, что въ известной странѣ, населенной 20-ю миліонами людей, на 10 лѣтъ приходится столько-то преступленій; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы на каждый день, или на каждую тысячу человѣкъ пришлось количество преступленій, соразмѣрное общему числу, приходящемуся на 10 лѣтъ и на 20 миліоновъ.

Тоже примѣнимо и относительно окружающей насъ природы: средняя температура зимы для известнаго мѣста, положимъ —3°, но бываютъ дни и въ 3° тепла и въ 25° мороза.

Этихъ двухъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно для доказательства того, что справедливое въ общемъ, не можетъ быть примѣнимо къ частностямъ. Такъ и теорію о непреложномъ ходѣ историческихъ событій нельзя примѣнить къ дѣятельности отдѣльныхъ личностей, невозможно сдѣлать заключенія, что передовые люди дѣйствуютъ помимо своей воли и не могутъ руководить событіями, теченіе которыхъ само увлекаетъ ихъ. Нѣтъ, они выдвигаются событіями, но, въ свою очередь, и руководятъ ими (*). Да и что такое историческія событія, какъ не результатъ дѣятельности многихъ волей? Законы этой общей дѣятельности—непреложны; но каждая отдѣльная дѣятельность свободна и можетъ идти совершенно въ разрѣзъ законамъ общей дѣятельности. И развѣ каждый изъ насъ не знаетъ сотни примѣровъ того, какъ отдѣльная воля вредила, напримеръ, прогрессу? Она могла вредить ему, конечно, только временно, но вредила тѣмъ не менѣе дѣйствительно, и вредъ этотъ исправлялся, опять-таки, дѣятельностью отдѣльныхъ личностей, возстановившихъ законы вѣчнаго прогресса. Вліяніе на событія и свободная воля какъ тѣхъ, такъ и другихъ несомнѣнны, хотя въ результатѣ и торжествуютъ общіе, непреложные законы.

Для болѣе нагляднаго поясненія того, что передовые люди хотя и выдвигаются событіями, но, въ свою очередь, руководятъ ими, приведемъ нѣсколько близкихъ намъ примѣровъ.

Необходимость освобожденія крестьянъ сознавалась вполне нашимъ правительствомъ въ самыхъ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, а между тѣмъ это освобожденіе осуществилось только 60 лѣтъ спустя, и могло осуществиться десятию, двадцатью годами позже. Оно совершилось бы непременно; но могло совершиться раньше или позже, и—мирнымъ путемъ или

(*) И это отнюдь не противорѣчіе, какъ мы пояснимъ ниже примѣрами.

насилственнымъ. Все зависѣло отъ рѣшимости правительства и нѣлесообразности мѣръ.

Точно также, по силѣ вещей, близкія сношенія Россіи съ Западомъ были неизбежны, какъ неизбежно Россія должна была сдѣлаться могущественнымъ государствомъ. И то и другое должно было быть; но не будь Петра, это могло исполниться столѣтіемъ; двумя вѣками позже, и совершилось бы, быть можетъ, не насильственнымъ, лучшимъ путемъ, и избавило бы насъ, въ такомъ случаѣ, отъ излишествъ и увлеченій при подражаніи.

Наконецъ, объединеніе Германіи должно было совершиться; но не будь въ Пруссіи Бисмарка, или руководи австрійской арміей лучшей главнокомандующій, и это объединеніе имѣло бы мѣсто, быть можетъ, по прошествіи полустолѣтія, и могло совершиться совсѣмъ инымъ путемъ. Въ послѣднемъ примѣрѣ личность Бисмарка была выдвинута событіями, но въ свою очередь и руководила ими.

Наконецъ, неужели изобрѣтатели компаса, книгопечатанія, пара (какъ двигателя), желѣзныхъ дорогъ, электричества и гальванизма, открытія которыхъ играютъ такую видную роль въ исторіи человѣчества, были не болѣе какъ автоматы?

Полагаемъ, что сказанное можетъ служить также достаточнымъ опроверженіемъ и на поясненія автора въ защиту фатализма въ исторіи, высказанныя имъ въ 6-мъ пунктѣ статьи „Русскаго Архива“.

Въ статьѣ этой, впрочемъ, нѣтъ ничего такого, чтобы не было уже сказано авторомъ въ четвертомъ томѣ „Войны и Мира“, кромѣ развѣ самыхъ невѣроятныхъ умствованій о томъ, что поднять руку зависить отъ нашей воли, и опустить ее въ воздухъ такъ же, точно такъ же какъ и рѣшать любые математическіе вопросы; но опустить руку на ребенка не зависить отъ нашей воли. „Я не могу этого сдѣлать“, восклицаетъ авторъ. „На этого ребенка бросается собака, я не могу не поднять руку на собаку“ (стр. 525). (!?)

Если признать справедливость словъ автора, то невольно является вопросъ: какъ же это бываютъ люди, которые могутъ съѣсть дѣтей, и другіе, которые бѣгаютъ отъ собакъ? И хорошо ли поступаютъ тѣ и другіе?

Слѣдуя за авторомъ далѣе, мы будемъ придерживаться того порядка, въ какомъ встрѣчаются въ книгѣ графа Толстаго предметы, подлежащіе спору или опроверженію.

Четвертый томъ „Войны и Мира“ начинается, какъ известно, съ причинъ войны 1812 года; здѣсь авторъ договаривается до того, что Наполеонъ началъ войну съ Россією

„потому, что не могъ не надѣтъ польскаго мудрира, не поддагься воспримчивому впечатлѣнію іюньскаго утра“ и т. д. (ч. 2-я стр. 125).

Въ другомъ мѣствѣ, приводя множество причинъ, безъ которыхъ война не сосгоялась бы, наряду съ химерическимъ предположеніемъ, что

„ежели бы всѣ сержанты отказались поступить на вторичную службу, то войны не было бы“,

графъ Толстой въ числѣ причинъ войны называетъ французскую революцію и все то, „что произвело ее, и т. д. (стр. 3).

Слѣдуя такимъ путемъ, конечно, не трудно дойти, какъ говорится, до Адама; это понятно всякому, и такъ какъ нельзя предположить, чтобы историки — хотя графъ Толстой и упрекаетъ ихъ въ наивности (стр. 1)—были непременно глупѣе другихъ людей, то, конечно, и они не хуже другихъ смертныхъ понимаютъ, что, на примѣръ, причина всѣхъ войнъ заключается въ свойствахъ человѣческой природы. Но неужели они заслуживаютъ упрека въ томъ, что указываютъ на ближайшіе *поводы* къ войнѣ, называя ихъ иногда причинами, иногда же и поводами?

Если бы историкъ поступалъ иначе и, приступая къ изложенію причинъ какой нибудь войны, начиналъ бы съ того, что „природа создала человѣка, что человѣкъ—существо несовершенное, что онъ склоненъ къ насиліямъ“ и т. д., то его сочли бы помѣшаннымъ, или, по крайней мѣрѣ, назвали бы пустословомъ и даже человѣкомъ неделикатнымъ, предполагающимъ въ читателѣ отсутствіе такихъ элементарныхъ свѣдѣній. Поэтому историкъ вполнѣ правъ, что, предполагая читателя образованнаго, несклоннаго увлекаться пустословіемъ и немудрыми умозрѣніями, оставляетъ ихъ въ сторонѣ и начинаетъ прямо съ изложенія ближайшихъ причинъ войны.

Онъ правъ еще болѣе потому, что эти ближайшія причины и поводы были *дѣйствительными* причинами *известной* войны.

Скажутъ: столкновение между Россіей и Франціей было неизбежно и имѣло бы мѣсто и безъ этихъ причинъ. Справедливо. Но ходу событій это было неизбежно; но оно могло совершиться раньше или позже и, притомъ, совершенно при другихъ условіяхъ, хотя, быть можетъ, и съ тѣмъ же результатомъ.

Итакъ, причины войны, собственно 1812 года, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она совершилась, были все же эти, по видимому, пустые поводы: взаимное неудовольствіе двухъ императоровъ, вслѣдствіе захвата Наполеономъ великаго герцогства Ольденбургскаго, несоблюденіе Александромъ условій континентальной системы, и т. д. и т. д.

Авторъ предается разсужденіямъ о причинахъ войны, насчитывая ихъ милліоны, съ такой чистосердечной, искренней вѣрой въ новизну своего открытія, что намъ невольно приходится на память его же собственныя умозрѣнія, дѣлаемыя имъ гораздо раньше, еще въ отроческомъ возрастѣ; причѣмъ онъ „воображалъ (его собственныя слова), что *первый* открываетъ такія великія и серьезныя истины“ („Дѣтство и Отрочество“ стр. 271).

Относительно автоматичности дѣйствій императоровъ Наполеона и Александра, говорить здѣсь не будемъ, такъ какъ считаемъ этотъ вопросъ уже достаточно разъясненнымъ выше.

Разсужденій князя Болконскаго (стр. 64), обязательно излагающаго собственныя мысли автора, мы коснемся впоследствии, и потому перейдемъ прямо къ страницѣ 68, гдѣ встрѣчается неточность, на которую мы, конечно, не обратили бы вниманія, если бы графъ Толстой оставался въ своемъ произведеніи художникомъ, безъ претензій на компетентность историка; но претензіи эти такъ часто даютъ себя чувствовать, что представляютъ полное право упрекать автора даже въ мелочныхъ историческихъ неточностяхъ. Неточность эта вотъ какого рода: дѣло при Салтановкѣ было 11-го іюля; первое извѣстіе о немъ доставлено въ 1-ю западную армію поручикомъ княземъ Меншиковымъ въ ночь съ 14-го на 15-е іюля (*), а между тѣмъ Павлоградцы, стоявшіе, по словамъ графа Толстаго, на аванпостахъ 1-й западной арміи, толкуютъ объ этомъ дѣлѣ еще 12-го іюля, накануне дѣла при Островнѣ.

Такая неточность, непростительная сама по себѣ человѣку столь компетентному, какимъ выдаетъ себя графъ Толстой, становится еще болѣе непонятною, если вникнуть въ смыслъ сраженій при Салтановкѣ и Островнѣ, въ тѣ причины, которыя заставили военачальниковъ дать эти сраженія. На зло теоріи графа Толстаго, по которой роль военачальниковъ равняется нулю, она выразилась въ этомъ случаѣ слѣдующимъ образомъ.

Вслѣдъ за рѣшеніемъ главной квартиры 1-й западной арміи

(*) Донесеніе Государю военнаго министра отъ 15-го іюля 1812 года за № 538.

оставить Дрисснй лагерь, главнокомандующему 2-й арміи, князю Багратіону, послано было извѣстіе объ этомъ рѣшеніи, извѣстѣ съ предложеніемъ идти на соединеніе съ 1-й западной арміей на Витебскъ. Но Наполеонъ, цѣль котораго въ этотъ періодъ войны заключалась въ томъ, чтобы не допустить соединенія нашихъ первыхъ двухъ западныхъ армій, направилъ главному корпусу силъ прямо на Витебскъ, въ то время какъ сводный корпусъ Даву двигался въ промежуткѣ между 1-й и 2-й западными арміями.

Багратіонъ, достигнувъ Днѣпра, хотя и нашелъ дорогу на Оршу и Витебскъ загражденною войсками Даву, рѣшился однако сдѣлать попытку оружіемъ продолжить себѣ путь, слѣдствіемъ чего и было дѣло при Салтановкѣ. Попытка эта не удалась, несмотря на мужество нашихъ войскъ и самоотверженія Раевского, выказавшаго готовность принести въ жертву двухъ сыновей своихъ для блага родины (*).

Тогда Багратіонъ отступилъ внизъ по Днѣпру до Новаго Быхова, гдѣ предусмотрительный и опытный воинъ приказалъ званіе устроить переправу черезъ Днѣпръ, перешелъ черезъ эту рѣку 14-го и направился на Смоленскъ, извѣстивъ обо всемъ главнокомандующаго 1-й арміи Барклая-де-Толли.

Но извѣстіе это пришло въ 1-ю западную армію, достигшую Витебска еще 11-го іюля, только въ ночь съ 14-го на 15-е число, между тѣмъ какъ 12-го главная масса французовъ уже надвигалась къ Витебску и расположилась отъ него въ разстояніи перехода.

Положеніе Барклая было весьма затруднительное: принять сраженіе въ невыгодной позиціи, съ 80,000 противъ 150,000, предводимыхъ Наполеономъ, было крайне рисковано; отступать же было невозможно, потому что это значило погубить армію Багратіона, направленную на Витебскъ. Въ столь трудныхъ обстоятельствахъ рѣшено было выслать къ Островнѣ корпусъ Остермана, чтобы выиграть время, задерживая каждый шагъ наступленія французовъ къ Витебску, предполагаемому пункту соединенія обѣихъ армій. Такимъ образомъ произошло сраженіе при Островнѣ (13-го іюля). Оно было дано единственно съ тою цѣлью, чтобы обезпечить присоединеніе 2-й арміи къ 1-й въ Витебскѣ, и если бы въ главной квартирѣ 1-й арміи

(*) Къ этому подвигу Раевского, который вои́нъ русскій *долженъ* цѣнить, графъ Толстой относится и недовѣрчиво, и неодобрительно (стр. 69).

знали 12-го (какъ говоритъ авторъ) о дѣлѣ при Салтановкѣ, то есть о томъ, что Баграціонъ прибыть къ Витебску не можетъ, то срашеніе при Островнѣ становилось безцѣльно; и, конечно, не было бы дано.

Странно, что автору остались неизвѣстными подобныя обстоятельства, объясняющія довольно крупныя явленія войны, несмотря на то, что, по словамъ его, онъ владѣеть цѣлой библіотекой матеріаловъ.

Мы могли бы сдѣлать еще нѣсколько мелкикъ замѣчаній въ такомъ, напримѣръ, родѣ, что въ сраженіи подъ Островной, вопреки графу Толстому, Павлоградцы вовсе не участвовали, точно такъ же, какъ не было вовсе уланъ, которыхъ графъ Толстой заставляетъ бѣжать отъ французскихъ драгунъ: участвовали въ дѣлѣ Лейбъ-гусары, Сумскіе гусары и два полка драгунъ. Но, слѣдя за подобными промахами, было бы не трудно составить цѣлый томъ, и потому переходу прямо къ 1-й главѣ 2-й части, обойти которую положительно невозможно.

1-я глава 2-й части начинается съ перефразировки теоріи, уже однажды высказанной авторомъ, что все въ мірѣ дѣлается помыю нашей воли.

Далѣе авторъ говоритъ:

„Теперь намъ ясно, что было въ 1812 году причиной гибели французской арміи. Никто не станетъ спорить, что причиной гибели французскихъ войскъ Наполеона было съ одной стороны вступленіе ихъ въ позднее время, безъ приговленія къ зимнему походу, въ глубь Россіи, а съ другой стороны характеръ, который приняла война отъ сожженія русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ Русскомъ народѣ. Но тогда не только никто не предвидѣлъ того (что теперь кажется очевиднымъ), что только этимъ путемъ могла погибнуть 800-тысячная, лучшая въ мірѣ и предводимая лучшимъ полководцемъ, армія въ столкновеніи съ вдвое слабѣйшей, неопытной и предводимой неопытными полководцами русской арміей; не только никто не предвидѣлъ этого, но всѣ усилія со стороны Русскихъ были постоянно устремляемы на то, чтобы помѣшать тому, что одно могло спасти Россію, и со стороны Французовъ, не смотря на опытность и такъ называемый военный геній Наполеона, были устремлены всѣ усилія къ тому, чтобы растянуться въ концѣ глѣта до Москвы, т. е. сдѣлать то самое, что должно было погубить ихъ“ (стр. 126).

Прежде всего поражаетъ насъ здѣсь удивительная послѣдовательность. Авторъ все время доказываетъ, что причины или, скорѣе, поводы къ войнѣ, приводимые историками, не могутъ быть приняты, что причинъ была бездна, что причиною была,

между прочимъ, „французская революція и все то, что произошло се“, и вслѣдъ затѣмъ съ чисто „русской“ (*) самоувѣренностью говорить, что теперь уже никто не станетъ спорить, что причиною гибели французской арміи было съ одной стороны позднее ея вторженіе въ предѣлы Россіи, съ другой — характеръ войны, возбуждившій ненависть къ врагу въ русскомъ народѣ.

Полагаемъ, что всякій, изучавшій эту эпоху, хотя „спорить“ съ авторомъ и не будетъ, но ни въ какомъ случаѣ съ нимъ не согласится, и не согласится потому, что первая причина вовсе не была исключительною и даже главною причиною гибели французской арміи (**); вторая же, „ненависть ко врагу въ русскомъ народѣ“, сама по себѣ очевидно не могла погубить непріятеля. Или, быть можетъ, авторъ подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ разумѣтъ *результаты* этой ненависти, напимѣръ, народную войну? Въ такомъ случаѣ слѣдовало выразиться яснѣе. Но даже и народная война вовсе не можетъ быть названа не только исключительною, но и главнѣйшею причиною гибели французской арміи; напротивъ того, всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія заставляютъ думать, что вооруженное возстаніе народа принесло непріятелю сравнительно весьма мало вреда: нѣсколько вырѣзаннымъ шаекъ мародеровъ, нѣсколько звѣрскихъ поступковъ, вполнѣ, впрочемъ, оправдываемыхъ поведеніемъ непріятеля, надъ отсталыми и пѣнными — вотъ и все.

Причинъ гибели французской арміи было много и онѣ лежали глубоко. Избѣгая бездоказательности, я изложу подробно главнѣйшія изъ нихъ, и притомъ въ отдѣльной статьѣ или въ видѣ приложенія къ настоящей, чтобы не утомлять читателя, не интересующагося этимъ вопросомъ; теперь же перехожу ко второй половинѣ приведеннаго авторскаго текста.

Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ тѣмъ, что въ Россіи погибла 800,000-я французская армія и что наша армія была вдвое слабѣе; слѣдовательно—равнялась 400,000. Интересно было бы знать, откуда авторъ почерпнулъ подобныя свѣдѣнія?

(*) Вообще мы должны поблагодарить автора за то, что онъ приписываетъ нашей національности самоувѣренность, присущую только полнѣйшему невѣжеству (стр. 58).

(**) Притомъ открытіе кампаніи въ іюнь объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что Наполеонъ не предвидѣлъ, что война затянется до зимы, во вторыхъ, желаніемъ французскаго императора доставить подножный кормъ своей многочисленной кавалеріи.

Неумели питательнѣй, „непрестанный, исключительный трудъ, при наилучшихъ условіяхъ жизни“ и „дѣлая бібліотека матеріаловъ“ („Русскій Архивъ“ стр. 515 и 523), привели автора къ подобнымъ цифрамъ? Печальный результатъ! Не забудемъ, что авторъ ручается за историческую достовѣрность даже разговоровъ историческихъ лицъ. („Русскій Архивъ“ стр. 523.)

Росписанія великой арміи (la grande armée), отбитыя у французовъ во время ихъ отступленія изъ Россіи, показываютъ, что численность войскъ, вступившихъ въ Россію, во все продолженіе кампаніи, считая въ томъ числѣ осадныя и артиллерійскія парии, фуришталъ, маршевыя баталіоны, а также войска, сформированныя въ Литвѣ и резервы, подошедшія изъ Германіи, не превышала 608,000 человекъ; первоначально же въ предѣлы Россіи вступило не болѣе 468,000.

Численность нашихъ трехъ западныхъ армій, противонастававшихъ Наполеону, въ началѣ войны едва достигала цифры въ 218,000 человекъ. Въ продолженіе войны, цифра эта измѣнилась отъ убыли въ дѣлахъ и отъ прибывавшихъ резервовъ, но численность *всѣхъ* нашихъ армій на *всѣмъ* громадномъ пространствѣ театра войны никогда не превосходила 250,000.

Затѣмъ авторъ находитъ, что наша армія была предводима „неопытными полководцами“. Можно съ увѣренностью сказать, что въ нашей арміи не было ни одного человека, который, по способностямъ, могъ бы соперничать съ гениальнымъ нашимъ противникомъ; но въ замѣвъ того, во главѣ русскаго войска (вопреки автору) стояли люди съ замѣчательною военною опытностью, приобрѣтенною въ непрестанныхъ войнахъ, которыми отличались царствованія Екатерины, Павла и Александра. Таковы были Барклай, Ваграціонъ, Бенигсенъ, наконецъ Кутузовъ. Начальники частей также отличались большимъ знаніемъ своего дѣла и замѣчательною распорядительностью, въ доказательство чего можно привести хоть поведеніе Тучкова 3-го въ сраженіи при Лубячѣ (7-го августа). Въ числѣ же корпусныхъ командировъ были такіе люди какъ Витгенштейнъ, Раевскій, Ламбертъ, Паленъ и др., имена которыхъ, всякому, хотя нѣсколько знакомому съ этою эпохой, краснорѣчиво говорятъ сами за себя.

Далѣе, сказавъ, что:
„причиной гибели французскихъ войскъ Наполеона было съ одной стороны вступленіе ихъ въ позднее время, безъ приготовленій къ зимнему походу, въ глубь Россіи, а съ другой характеръ, который приняла война отъ сожженія русскихъ городовъ и возбужденія нена-

вести къ врагу въ русскомъ народѣ“, авторъ говоритъ, что тогда „никто не предвидѣлъ того (что теперь кажется очевиднымъ), что только этимъ путемъ могла погибнуть 800-тысячная лучшая въ мірѣ армія“. И даѣе: „не только никто не предвидѣлъ этого, но всѣ успія со стороны русскихъ были постоянно устремлены на то, чтобы помѣшать тому, что одно могло спасти Россію.

А такъ какъ, по только-что высказанному рѣшительному мнѣнію графа Толстаго, никто не станетъ спорить, что причиною гибели французовъ (то есть спасенія Россіи) было вступленіе ихъ въ позднее время, безъ приготовленій къ зимнему походу, въ глубь Россіи и характеръ войны, возбуждвшей ненависть къ врагу въ русскомъ народѣ, то, слѣдовательно, всѣ наши успія были устремлены на то, чтобы французы вступили въ наши предѣлы пораньше, и приоткрылись къ зимнему походу, а также всѣ успія со стороны русскихъ были постоянно устремлены на то, чтобы не возбуждалась ненависть къ врагу въ русскомъ народѣ. Откуда авторъ почерпнулъ такіа интересныя свѣдѣнія, ускользавшія до сихъ поръ изъ рукъ „наивныхъ“ историковъ? Не указывать на подобные драгоценныя источники и держать ихъ въ своей библіотекѣ сокрытыми отъ обыкновенныхъ смертныхъ — просто грѣшно!

„Со стороны Французовъ, не смотря на опытность и такъ называемый военный геній Наполеона, были устремлены всѣ успія къ тому, чтобы растянуться въ концѣ лѣта до Москвы, т. е. сдѣлать то самое, что должно было погубить ихъ“.

Опять драгоценное указаніе! У Наполеона, видите ли, не было никакихъ плановъ: онъ просто хотѣлъ „растянуться въ концѣ лѣта до Москвы“. Не ясно ли отсюда, что воля человѣческая ничтожна, что всякое дѣйствіе наше отъ насъ не зависитъ? Просто, почувствовалъ человѣкъ желаніе „устремить всѣ успія къ тому, чтобы растянуться въ концѣ лѣта до Москвы“—онъ и повелъ для этого на отдаленный востокъ почти всѣ народы Европы.

Далѣе читаемъ, что

„въ историческихъ сочиненіяхъ о 1812-мъ г. авторы-Французы очень любятъ говорить о томъ, какъ Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи, какъ онъ искалъ сраженія, какъ маршалы его совѣтывали ему остановиться въ Смоленскѣ, и тому подобные доводы, доказывающіе, что тогда уже понятна была опасность кампаніи; а авторы Русскіе еще болѣе любятъ говорить о томъ, какъ съ начала кампаніи существовалъ планъ скинской войны заманивая Наполеона въ глубь Россіи“.

И затѣмъ, послѣ обычныхъ разсужденій,

„не только во все время войны, со стороны Русскихъ не было же-

лазія заманить Французовъ въ глубь Россіи, но все было дѣлаемо для того, чтобы остановить ихъ съ перваго вступленія ихъ въ Россію, и не только Наполеонъ не боялся растяженія своей линіи, но онъ радовался, какъ торжеству, каждому своему шагу впередъ, и очень дѣливо, не такъ какъ въ прежнія свои кампаніи, искалъ сраженія (стр. 128).

Итакъ, видите ли, историки, конечно въ видѣ развлечения, очень любятъ говорить о томъ, какъ Наполеонъ понималъ опасность растяженія своей линіи (авторъ вѣроятно разумѣетъ коммуникаціонную линію), какъ онъ искалъ сраженія и какъ маршалы совѣтывали ему остановиться въ Смоленскѣ. Въ сущности же ничего этого не было и Наполеонъ безосознательно шелъ себѣ впередъ, вовсе не понимая того, что дѣлаетъ.

Съ авторомъ, конечно, можно было бы согласиться вполне, если бы командовать полумилліонною арміею было такъ же легко, какъ несвѣдущему человѣку судить о дѣйствіяхъ такой арміи: сказалъ, или написалъ что придетъ въ голову, и пошелъ тѣмъ же путемъ далѣе и далѣе, не оглядываясь назадъ.

Не таково положеніе главнокомандующаго: полумилліонная масса народа не позволить идти впередъ безъ оглядки; она поминутно даетъ о себѣ чувствовать. Она хочетъ ѣсть, хочетъ пить, тащить за собою до 200,000 лошадей (*), требующихъ громаднаго количества фуража и воды; она должна быть одѣта, обута; наконецъ, требуетъ такой моральной силы, которая преобладала бы надъ духовными силами всего этого полумилліона въ такой мѣрѣ, чтобы вся эта масса слѣпо, и съ самоотверженіемъ, повиновалась одной волѣ, одному человѣку, который ведетъ ее на смерть и за котораго она умираетъ, считая себя счастливою, что можетъ умереть за него (**). И неужели достаточно для этого быть довольнымъ собою, жирнымъ, „выхоленнымъ“ бонвиваномъ, каждое утро подставляющимъ свою жирную спину подъ щетки своихъ камердинеровъ?

Нѣтъ! Для этого нужна сила—сила громадная; нуженъ не дюжинный умъ; необходима непреклонная воля. Такой человѣкъ можетъ быть злодѣй, но злодѣй великій.

(*) При великой арміи было около 180,000 кавалерійскихъ, артилерійскихъ и фуражистскихъ лошадей.

(**) И это не фраза. Подъ Люценомъ, наприимѣръ, когда звѣзда Наполеона начинала уже меркнуть, на встрѣчу императору, сплывшему на поле сраженія, попадались толпы раненныхъ, и даже умирающіе приподнимались на своихъ носилкахъ, провозя его возгласами: „Vive l'Empereur!“ (Odeleben. Relation circonstanciée de la campagne de 1813 en Saxe).

Если взять въ расчетъ, что цѣлая тысяча предпринимателей хлопочуть о продовольствованіи какого-нибудь значительнаго города, если, для облегченія этого продовольствованія, пролагаютъ новые пути сообщенія, соединяютъ каналами различные бассейны, и если при всемъ томъ, вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго обстоятельства (напримѣръ распутицы), въ городѣ оказывается иногда недостатокъ въ томъ или другомъ продуктѣ, недостатокъ, который едва восполняютъ устроенные заранѣе склады, то становится понятнымъ, какихъ неусыпныхъ заботъ требуетъ удовлетвореніе однихъ только матеріальныхъ нуждъ полумилліоннаго населенія, которое не остается на мѣстѣ, но идетъ впередъ и впередъ по маловаселенной и бесплодной странѣ, не представляющей достаточныхъ средствъ для продовольствія такой массы, по дурнымъ, часто едва проходимымъ дорогамъ. Чѣмъ дальше подвигается впередъ подобная армія, тѣмъ продовольствіе и снабженіе ея всѣмъ необходимымъ (порехомъ, снарядами и т. п.) становится труднѣе и труднѣе, потому что пути, по которымъ идутъ подводы, все болѣе и болѣе удлиняются. Для охраненія этихъ путей отъ посягательствъ противника нужны опять-таки особыя мѣры, иначе ни одна повозка не достигнетъ по своему назначенію—нужны войска для обезпеченія сообщеній. Но отдѣленіе этихъ войскъ ослабляетъ армію въ точкѣ удара, гдѣ рѣшается судьба войны, и потому необходимо соблюдать строгую гармонию: чтобы и сообщенія были обезпечены, и армія не черезъ-чуръ ослаблена. Сильные умы, чтобы пополнить недостатокъ въ людяхъ, прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ къ особеннымъ мѣрамъ: такъ, Наполеонъ приказалъ на каждомъ этапѣ устроить прочные блокгаузы, которые могли бы служить защитой для незначительныхъ гарнизоновъ и т. п. И несмотря на все это, Наполеонъ, вступившій въ предѣлы Россіи съ 470,000-й арміей и призвавшій въ разное время, для обезпеченія своего тыла, еще 140,000 человекъ, могъ выставить для рѣшенія судьбы войны, въ генеральномъ сраженіи при Бородинѣ, не болѣе 130,000 человекъ; въ Москву же прибыло едва 100,000 непріятельскихъ воиновъ.

Полагаемъ, что эти цифры, сами по себѣ, краснорѣчивѣе всякихъ доказательствъ, могутъ убѣдить cadaго, что *прогулка*, предпринятая Наполеономъ въ Москву, не была чѣмъ-то въ родѣ *partie de plaisir* для французскаго императора, а должна

была серьезно его озабочивать. Она озабочивала его тѣмъ болѣе, что, отдаляясь отъ своихъ средствъ и видя постоянное и прогрессивное уменьшеніе своей арміи, онъ все-таки не достигалъ своей цѣли: ему не удалось потрясти русскую армію ни физически, ни морально.

Средствомъ для этого былъ бой. И онъ настойчиво искалъ его, жертвуя для этой цѣли десятками тысячъ отсталыхъ при форсированныхъ переходахъ, и, несмотря на всѣ его усилія, бой упорно ускользалъ отъ него, хотя и постоянно манилъ за собою.

Но графъ Толстой сомнѣвается, чтобы Наполеонъ искалъ сраженія. Онъ говоритъ, что только историки „любятъ говорить о томъ“, и нѣсколько далѣе: „Наполеонъ очень лѣниво, не такъ какъ въ прежнія кампаніи, искалъ сраженія“.

На сколько справедливо это мнѣніе, указаніемъ можетъ служить слѣдующій фактъ: по достиженіи Днѣпра, менѣе чѣмъ черезъ 40 дней похода, войска, бывшія подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона, потеряли, отъ быстрыхъ и трудныхъ маршей, цѣлую треть своихъ рядовъ, и едва десятая часть этой потери приходилась на дѣла съ русскими.

Нѣтъ, Наполеонъ постоянно и упорно искалъ боя во весь первый періодъ кампаніи:

Съ самаго вступленія своего на русскую землю, онъ старается разбить по частямъ отдѣльные корпуса 1-й арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ разобить объ наши западныя арміи. Первая армія успѣла соединиться при Дриссѣ; Наполеонъ дѣлаетъ распоряженія, чтобы отрывать ее отъ пути на Москву, но она вовремя отступила къ Витебску и готова была, казалось, принять сраженіе. Распоряженія для боя уже сдѣланы были Наполеономъ, когда русскіе снова отступили на Смоленскъ, гдѣ соединились со 2-й арміей. Между тѣмъ, благодаря энергіи Багратиона, 2-я армія, считавшая при открытіи кампаніи не болѣе 45,000 человекъ, также счастливо избѣгла пораженія, несмотря на то, что съ тыла была преслѣдуема 80,000, подъ начальствомъ короля Вестфальскаго, а съ фланга 50,000, подъ начальствомъ Даву. По соединеніи нашихъ армій, Наполеонъ рассчитываетъ на сраженіе при Смоленскѣ; но и эта надежда не осуществляется.

Настойчивое наступленіе имѣло слѣдствіемъ, какъ мы уже говорили, потерю цѣлой трети личнаго состава наполеоновыхъ

войскъ, и потому Наполеонъ скорѣе заслуживаетъ упрека за быстроту своихъ дѣйствій, нежели за медленность ихъ. Дѣйствуя медленнѣе, онъ сохранилъ бы свои войска и быть можетъ избѣжалъ бы постигшей его катастрофы.

Слѣдующія выдержки изъ записокъ Тучкова 3-го, попавшагося въ плѣнъ послѣ сраженія при Лубинѣ (7-го августа), и призваннаго къ Наполеону, ясно показываютъ, какъ желалъ Наполеонъ сраженія, какъ понималъ опасность своего положенія, и на сколько озабочивало его дальнѣйшее наступленіе къ Москвѣ:

„Скоро ли вы дадите генеральное сраженіе, или будете все отступать?”

„Я отвѣчалъ, что намѣренія главнокомандующаго мнѣ неизвѣстны. Повѣрите мнѣ, сказалъ Наполеонъ, его нѣмецкая тактика ни къ чему хорошему не доведетъ васъ. Ваша нація храбрая, благородная преданная государю, должна драться начистоту, а не слѣдовать глупой нѣмецкой тактикѣ. Если вы уже расположены были воевать, то почему не заняли Польшу? Это было очень легко, и тогда вмѣсто войны у себя, вы бы вели ее въ чужой землѣ. Да и пруссаки, которые теперь противъ васъ, тогда были бы съ вами. Вашъ главнокомандующій ничего этого не умѣлъ сдѣлать, а теперь, отступая безпрестанно, опустошаетъ собственную землю. Зачѣмъ онъ оставилъ Смоленскъ?“ (*)

И далѣе:

„Императоръ вашъ знаетъ ли васъ лично?”

„Надѣюсь, отвѣчалъ Тучковъ: я нѣкогда имѣлъ счастье служить въ гвардіи.

„Можете ли вы писать къ нему?”

„Никогда не осмѣлюсь утруждать его моими письмами, и особливо въ настоящемъ моемъ положеніи.

„Но, если вы не смѣете писать къ императору, то можете написать къ брату (**), что скажу вамъ?”

„Къ брату, дѣло другое. Я къ нему могу писать все.

„Итакъ, вы меня очень обяжете, если напишите вашему брату, что вы меня видѣли и что я вамъ поручилъ написать къ нему, что онъ мнѣ сдѣлаетъ большое удовольствіе, если самъ, или черезъ великаго князя, либо главнокомандующаго, какъ найдетъ лучше, доведетъ до свѣдѣнія вашего государя, что я ничего не желаю болѣе, какъ превратить миромъ военныя наши дѣйствія. Мы уже довольно сожгли пороха и довольно пролито крови; вѣдь когда же вѣзбудъ вдобродию кончить! За что мы деремся? Я не питаю вражды къ Россіи. Вотъ, еслибъ я имѣлъ дѣло съ англичанами (parlez moi de cela). Это было бы другое дѣло. (При этихъ словахъ, Наполеонъ, сжавши кулакъ, поднялъ его вверхъ съ угрозою). Но русскіе мнѣ вовсе не враги. Вы хотите имѣть кося

(*) Повѣрно, что эти слова Наполеона, врага нашего, въскорѣннѣе всякой похвалы говорить въ пользу образа дѣятелій Баряла.

(**) Тучкову 1-му, командиру 3-го корпуса, убитому подъ Бородиною.

и сахаръ; вы будете имѣть ихъ. Но если у васъ думаютъ, что меня легко разбить, то я предлагаю: пусть изъ генераловъ вашихъ, которые наиболѣе имѣютъ у васъ уваженіе, какъ-то: Багратионъ, Дохтуровъ, Остерманъ, братъ вашъ и др. пусть изъ нихъ составятъ военный совѣтъ и разсмотрятъ положеніе и силы, мои я ваши, и если найдутъ, что на сторонѣ вашей болѣе вѣроятностей (chances) къ успѣху, то пускай назначаютъ, гдѣ и когда имъ угодно будетъ драться; или же они найдутъ, что все выгоды на сторонѣ моей, какъ и дѣйствительно есть, то къ чему намъ по пустому проливать кровь? Не лучше ли вести переговоры прежде потери сраженія, нежели послѣ? Да и какія будутъ послѣдствія проиграннаго вами сраженія? Я займу Москву и какія бы я не принималъ мѣры къ сбереженію ея отъ разоренія, все будетъ напрасно. Занятая непріателемъ столица похожа на дѣвку, потерявшую честь; что хочешь дѣлай послѣ, а чести не возвратишь. У васъ говорятъ, что Россія не въ Москвѣ; это же самое говорили и австрійцы, когда я шелъ въ Вѣну, но когда я занялъ ихъ столицу, то они заговорили совсѣмъ другое. И съ вами тоже будетъ“.

Надо замѣтить, что подлинность этого разговора не можетъ подлежать сомнѣнію, потому что Тучковъ 3-й помѣстилъ его цѣликомъ въ письмѣ къ брату, зная, что это письмо будетъ представлено императору Александру и понимая серьезное значеніе его, какъ предложенія о мирѣ со стороны Наполеона. Притомъ, письмо Тучкова было прочитано предварительно начальникомъ штаба великой арміи Бертье и, затѣмъ уже, послано въ главную квартиру нашей арміи.

Итакъ, вопреки графу Толстому, Наполеонъ не только сознавалъ самъ опасность своего положенія, но даже рѣшился сознаться въ этомъ передъ своимъ противникомъ въ слѣшкомъ прозрачной формѣ.

Спросить, быть можетъ, зачѣмъ же пошелъ Наполеонъ на Москву? Отвѣтомъ могутъ служить послѣднія слова приведеннаго нами разговора французскаго императора съ Тучковымъ: занятіемъ Москвы онъ надѣялся принудить насъ къ миру, какъ это не разъ уже удавалось ему въ борьбѣ съ государями западной Европы. Онъ очень хорошо зналъ, что надо нанести противнику сильный физическій ударъ, чтобы поколебать его нравственно и заставить искать мира.

До Смоленска, несмотря на непрерывное наступленіе, этого удара русскимъ нанесено не было, но до Москвы оставалось не болѣе 300 верстъ; отдать столицу безъ боя, онъ понималъ, мы не могли; успѣхъ этого боя въ глазахъ Наполеона не подлежалъ сомнѣнію, и ошибочно понимая характеръ Александра

и духъ русскаго народа, Наполеонъ надѣялся завоевать себѣ миръ, нанеся намъ послѣдовательно два сильные, физическіе и вмѣстѣ моральные, удара: рѣшительное пораженіе въ генеральномъ сраженіи и занятіе столицы. И—кто знаетъ—быть можетъ, этотъ расчетъ, несмотря на всю твердость императора Александра, и оправдался бы, если бы сраженіе при Бородинѣ имѣло болѣе рѣшительный результатъ?

Но что Наполеонъ дѣйствовалъ не очертя голову, что историки не выдумываютъ, говоря, что „Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи“, что онъ рассчитывалъ и на отступленіе,—въ доказательство можно привести его переписку съ командирами корпусовъ, оставленныхъ въ тылу. Вотъ образчикъ этой переписки: „Si la route de Smolensk au quartier impérial venait à être interceptée, il faudrait la rouvrir sur le champ; il faudrait même que l'armée entière du duc de Bellune s'avancât au^d devant de nous, si cela était nécessaire. *Je puis ne pas trouver la paix où je vais la chercher.* Mais alors, appuyé sur une réserve aussi forte et aussi bien postée, ma retraite se ferait avec sécurité et rien ne saurait la précipiter“. (*)

Далѣе гр. Толстой говоритъ:

„Не только во все время войны, со стороны Русскихъ не было желанія заманивать Французовъ въ глубь Россіи, но все было дѣлаемо для того, чтобы остановить ихъ съ перваго вступленія ихъ въ Россію“.

Интересно знать, что же именно такое „было дѣлаемо?“ Не можетъ ли разъяснить [этого авторъ, а также и указать на источникъ, доставившій ему такіа драгоценныя свѣдѣнія?

Сколько же намъ извѣстно, то съ самаго открытія военныхъ дѣйствій, мы начали отступать и, понимая невозможность одной 1-й арміей остановить непріятеля, благоразумно заботились о соединеніи собственныхъ разбросанныхъ силъ. (**)

„Государь дѣлаетъ упреки главнокомандующимъ за каждый шагъ отступленія“.

За отступленіе до Дриссы Государь не могъ дѣлать упрековъ, потому что онъ самъ руководилъ дѣйствіями нашихъ армій. Отступленіе отъ Дриссы къ Витебску произведено было

(*) Fain. I. 360.

(**) Остановку у Дриссы нельзя, конечно, назвать даже попыткой остановить непріятеля, такъ какъ мы даже не выжидали прибытія къ этому пункту противника.

также съ его согласія. Отступленіе отъ Витебска въ Смоленску имѣло цѣлью соединеніе нашихъ армій, необходимость котораго императоръ Александръ слишкомъ хорошо понималъ и потому упрекать за это не могъ. Итакъ, не только государь не дѣлалъ упрековъ за каждый шагъ отступленія, но онъ не дѣлалъ ихъ вплоть до Смоленска, отстоящаго отъ Нѣмана на 600 слишкомъ верстъ, и только за вялое наступленіе къ Руднѣ и за оставленіе нами Смоленска государь, въ письмѣ къ Барклаю, осуждаетъ его дѣйствія.

„Наполеонъ, разрѣзавъ армію, движется въ глубь страны и упускаетъ нѣсколько случаевъ сраженія“ (стр. 128).

Мы сочтемъ себя крайне обязанными автору, если онъ укажетъ: какіе это были случаи?

„Въ августѣ мѣсяцъ онъ въ Смоленскѣ и думаетъ только о томъ, какъ бы ему идти дальше“ (стр. 128).

Приведенный выше разговоръ Наполеона съ Тучковымъ 3-мъ служить достаточнымъ доказательствомъ противнаго.

„Завлеченіе Наполеона въ глубь страны произошло не по чьему либо плану (ни кто и не вѣрилъ въ возможность этого), а произошло отъ сложѣйшей игры интригъ, цѣлей, желаній людей-участниковъ войны, неугадывавшихъ того, что, должно быть, и тогда, что было единственнымъ спасеніемъ Россіи. Все происходитъ нечаянно“ (стр. 128, 129).

Еще задолго до начала войны, нѣкоторые проникательные умы, какъ русскій посолъ въ Парижѣ князь Куракинъ, французскій эмигрантъ графъ д'Алонвилль, наслѣдный принцъ шведскій бывшій маршалъ Франціи Бернадотъ (*), и наконецъ самъ Барклай-де-Толли, ясно понимали и высказывали свое мнѣніе письменно и изустно, что лучший способъ дѣйствій противъ Наполеона, по способностямъ не имѣвшаго себѣ соперниковъ, заключается въ томъ, чтобы, избѣгая генеральнаго сраженія и сохраняя собственные средства, истощить средства противника и затѣмъ уже перейти въ наступленіе. Но тѣмъ не менѣе совершенно справедливо, что въ нашей главной квартирѣ, изъ числа представленныхъ плановъ, не было принято, заранѣе обдуманнаго плана для завлеченія непріятеля въ глубину нашего отечества, точно такъ же, какъ совершенно ложно

(*) Донесеніе князя Куракина государю; мемуаръ графа Алонвилли; письмо наслѣднаго принца императору Александру. (Богдановичъ. Томъ I стр. 79 и 94. Томъ II, стр. 25).

то, что отступление наше произошло „отъ сложнѣйшей игры интригъ“. Отступление было принято просто, какъ очевидная необходимость, какъ слѣдствіе громаднаго численнаго превосходства непріятеля. Будь у насъ больше войскъ, мы не допустили бы, вѣроятно, французовъ безъ боя опустошать наши предѣлы до самаго Бородина; но войскъ было мало и, не смотря на всеобщее желаніе, отъ солдата до генерала, сразиться съ непріятелемъ, хладнокровный Барклай-де-Толли не поддался этому всеобщему настроенію и рѣшился привести въ исполненіе свои давнишніе планы относительно борьбы съ Наполеономъ (*). Онъ совершенно основательно рассчитывалъ, что побѣда была невозможна и, что въ случаѣ пораженія, мы теряли всѣ шансы на благопріятный исходъ войны.

„Арміи разрѣзаны при началѣ кампаніи. Мы стараемся соединить ихъ съ очевидной дѣлюю дать сраженіе и удержать наступленіе непріятеля, но въ этомъ стремленіи къ соединенію, избѣгая сраженій съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, и невольно отходя, подъ острымъ угломъ, мы заводимъ Французовъ до Смоленска. Но мало того сказать, что мы отходимъ подъ острымъ угломъ, потому что Французы двигаются между обѣими арміями — уголъ этотъ дѣлается еще острѣе, и мы дальше уходимъ, потому что Барклай-де-Толли, непопулярный Нѣмецъ, ненавистенъ Багратіону (имѣющему стать подъ его начальство) и Багратіонъ, командуя 2-й арміей, старается какъ можно дольше не присоединяться къ Барклаю, чтобы не стать подъ его команду“.

Сознаемся, мы рѣшительно не понимаемъ что хотѣлъ авторъ высказать своими *острыми углами*? Изъ всѣхъ этихъ, вѣроятно глубоко обдуманыхъ стратегическихъ соображеній автора, мы поняли только одно: что Багратіонъ умышлено не присоединялся къ Барклаю, чтобы не стать подъ его команду. Спѣшимъ снять незаслуженное пятно съ почтенной памяти одного изъ героевъ нашей отечественной войны: Багратіонъ, не смотря на все свое желаніе и удивительную энергію, не могъ присоединиться къ 1-й арміи ранѣе Смоленска.

Мы уже упомянули, что, съ самаго открытія кампаніи, Наполеонъ рѣшилъ отдѣлать 2-ю армію отъ 1-й, для чего и направилъ изъ Вильны сводный 50-ти тысячный корпусъ, подъ

(*) Еще въ 1807 году, раненый въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, Барклай говорилъ знаменитому историку Нибуру: „если бы мнѣ довелось воевать противъ Наполеона въ званіи главнокомандующаго, то я избѣгалъ бы генеральнаго сраженія и отступалъ до тѣхъ поръ, пока французамъ нравились бы, вмѣсто рѣшительной побѣды, другую Полтаву.“

начальствомъ Даву; преслѣдованіе же 2-й арміи съ тыла поручилъ королю Вестфальскому. 16-го (французы вступили въ наши предѣлы 12-го) Багратіонъ получилъ предписаніе отступать на Минскъ, и только 18-го — идти на соединеніе съ 1-й арміей черезъ Вилейку. Но *23-го іюня, при переправѣ черезъ Нѣманъ у Николаева, Багратіонъ получилъ свѣдѣнія, что корпусъ Даву, по показаніямъ считавшій 60,000 человѣкъ, готовъ преградить ему дальнѣйшій путь для соединенія съ 1-й арміей; въ то же время получено было извѣстіе о появленіи непріятеля съ тыла и съ фланга 2-й арміи. Вслѣдствіе этого, Багратіонъ рѣшился искать другаго, кружнаго пути, черезъ Новый-Свержень и Минскъ, тѣмъ болѣе, что дороги на Вилейку были почти непроходимы для обозовъ, что на этомъ пути не было магазиновъ и что побѣда не давала никакихъ рѣшительныхъ результатовъ, тогда какъ пораженіе влекло за собою гибель арміи. Будучи снова предупрежденъ непріателемъ, онъ снова измѣнилъ направленіе и двинулся, чрезъ Несвижъ на Бобруйскъ и Старый-Быховъ, къ Могилеву, съ тѣмъ, чтобы войти въ сообщеніе съ нашей арміей, отступившей въ это время къ Витебску; но и на этомъ пути, Даву, шедшій по кратчайшему направленію, снова предупреждаетъ его. Багратіонъ рѣшается на попытку прорваться открытою силою при Салтановкѣ и, въ то же время, съ рѣдкою предусмотрительностію, дѣлаетъ распоряженія для устройства моста черезъ Дняпръ у Новаго-Быхова. Попытка при Салтановкѣ не удалась. Багратіонъ, не теряя энергіи, отступаетъ къ Новому-Быхову, переправляется черезъ Дняпръ и ищетъ новаго пути для соединенія съ Барклаемъ, на Мстиславль и Смоленскъ, чего и достигаетъ, наконецъ 22-го іюля, послѣ 36 дней безпрерывныхъ маршей, въ продолженіе которыхъ онъ успѣлъ пройти 750 верстъ, почти безъ магазиновъ, по едва проходимымъ дорогамъ Полѣсья. Заслуги этой у Багратіона никто не отниметъ: онъ не только сохранилъ 2-ю армію, но умѣлъ вселить въ нее такой духъ, что „можно было думать, что оная пространство между Нѣманомъ и Дняпромъ не отступая оставила, но прошла торжествуя“ (выраженіе Ермолова, стр. 75 его записокъ).

Изъ дальнѣйшихъ мнѣній автора, все въ томъ же родѣ какъ и предыдущія, нельзя не остановиться на роли приписываемой Барклаю. Онъ говоритъ, что вслѣдствіе „непопулярности Нѣманско-главнокомандующаго, вытекаетъ первѣшительность и избѣжаніе

сраженія“ (стр. 130), между тѣмъ какъ, напротивъ, Барклай потому главнѣйшимъ образомъ и былъ непопуляренъ, что не давалъ сраженія. Авторъ принимаетъ здѣсь слѣдствіе за причину. Барклай является у него игрушкой интригъ и избѣгаетъ сраженія, потому что чувствуетъ себя несвободнымъ „подъ глазами *глазъ государевыхъ*“ (стр. 130); но самъ же авторъ говорить далѣе, что

„Цесаревичъ намекаетъ на измѣну и требуетъ генеральнаго сраженія“ (стр. 130).

и что Барклай входитъ въ открытую борьбу съ Бенигсеномъ и Великимъ Княземъ. Вотъ лучшее доказательство того, отступалъ ли Барклай потому, что былъ непопуляренъ и самъ не понимая пользы отступления, или потому, что, вопреки всеобщему мнѣнію, былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости отступления.

Далѣе, вслѣдъ за отрывкомъ изъ письма Багратіона Аракчееву, въ которомъ высказывается вполнѣ всеобщая ненависть къ непоколебимому Барклаю, авторъ говоритъ:

„Собираются атаковать Французовъ передъ Смоленскомъ. Посылается генералъ для осмотра позиціи. Генералъ этотъ, ненавидя Барклая, ѣдетъ къ пріятелю, корпусному командиру, и, просидѣвъ у него день, возвращается къ Барклаю и осуждаетъ по всемъ пунктамъ поле сраженія, котораго онъ не видалъ“ (стр. 131).

Все это не болѣе какъ произведеніе фантазіи почтеннаго автора. По достиженіи Смоленска, въ виду всеобщаго желанія арміи, мы дѣйствительно пытались перейти въ наступленіе, слѣдствіемъ чего было начало наступательнаго движенія къ Рудня, веденнаго весьма вяло, вѣроятно потому, что Барклай принужденъ былъ на него согласиться вопреки своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ; что же касается „сборовъ атаковать Французовъ передъ Смоленскомъ“, равно какъ и остальныхъ исторій, рассказываемыхъ при этомъ авторомъ, то ничего этаго *положительно* не было.

Но покончимъ наконецъ съ первой главой 2-й части 4-го тома, всѣ сокровища которой не исчерпашь и въ болѣе пространной статьѣ. Читатель, маломальски свѣдующій, просто не знаетъ что и подумать, слѣдя за этимъ непрерывнымъ рядомъ легкомысленныхъ, бездоказательныхъ и притомъ въ высшей степени самоувѣренныхъ выводовъ. Недоумѣніе это можетъ быть разрѣшено развѣ только собственнымъ изрѣченіемъ автора, что

„русскій самоувѣренъ именно потому, что онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, потому что не вѣрить, чтобы можно было знать что нибудь“. (стр. 58).

Очевидно, что подобный выводъ о самоувѣренности русскаго отдѣланъ былъ авторомъ на основаніи глубокаго самопознанія.

Перейдемъ къ XIX главѣ, дающей не менѣе интересныя свѣдѣнія.

„Для чего и какъ были даны и приняты сраженія при Шевардинѣ и при Бородинѣ? Для чего было дано Бородинское сраженіе? Ни для Французовъ, ни для Русскихъ оно не имѣло ни малѣйшаго смысла. Результатомъ ближайшимъ было и должно было быть, для Русскихъ то, что мы приблизились къ гибели Москвы (чего мы боялись больше всего въ мірѣ,) а для Французовъ то, что они приблизились къ гибели всей арміи (чего они тоже боялись больше всего въ мірѣ). Результатъ этотъ былъ тогда же совершенно очевиденъ, а между тѣмъ Наполеонъ далъ, а Кутузовъ принималъ это сраженіе“ (стр. 234, 235).

Какъ для французовъ, такъ и для русскихъ, сраженіе въ этотъ періодъ войны сдѣлалось неизбѣжною необходимостью, потому только оно и было дано.

Барклай, не затемненный пылкимъ энтузіазмомъ, увлекавшимъ какъ солдатъ, такъ и генераловъ нашей арміи, избѣгалъ сраженія до послѣдней возможности. До Смоленска это было легко, потому что обѣ арміи еще не успѣли соединиться, и всякому было понятно, что принимать сраженіе безъ 2-й западной арміи, противъ сосредоточеннаго, и несоразмѣрно-сильнаго противника было невыгодно. Но арміи соединились у Смоленска. Повода къ дальнѣйшему отступленію уже не существовало болѣе. Общему желанію необходимо было наконецъ уступить, вслѣдствіе чего и начато наступленіе къ Руднѣ. Наступленіе это, сочувствовать которому Барклай не могъ, ведено было вяло, и вскорѣ мы принуждены были съ возможною поспѣшностью идти обратно къ Смоленску, гдѣ, перейдя фланговымъ маршемъ на лѣвый берегъ Двѣпра, Наполеонъ едва не предупредилъ насъ и не отрѣзалъ, такимъ образомъ, отъ пути отступленія на Москву.

Общій голосъ русской арміи требовалъ защиты Смоленска; самъ Наполеонъ не сомнѣвался въ предстоящемъ сраженіи и ожидалъ, что русскіе выступятъ изъ города; но, получивъ извѣстіе, что 2-я западная армія отходитъ по московской дорогѣ, приказалъ, въ три часа пополудни 5-го числа, атаковать городскія стѣны. Благодаря необыкновенно упорной защитѣ,

крѣпости стѣнъ и ошибки французовъ, оставившихъ безъ вниманія башни—самые слабые пункты городской ограды, Смоленскъ устоялъ въ тотъ день; однако положеніе наше становилось отъ этого не менѣе опаснымъ.

Еще 5-го числа Наполеонъ велѣлъ отыскать бродъ черезъ Днѣпръ выше Смоленска. Если бы бродъ былъ отысканъ, то Наполеонъ получилъ бы полную возможность захватить нашъ путь отступленія на Москву, отрѣзать отъ южныхъ плодородныхъ губерній и отбросить на сѣверъ, бѣдный средствами для веденія войны. 5-го числа броды черезъ Днѣпръ не были найдены; но ихъ могли найти каждую минуту, и если бы армія оставалась еще долѣе у Смоленска, ей грозила неизбѣжная гибель. Между тѣмъ, успѣшная семичасовая оборона Смоленска противъ превосходнаго противника породила не только въ войскахъ нашихъ, но и въ начальникахъ, крайнюю самоувѣренность. Сраженіе 5-го числа принимали за блестящую побѣду и полагали, что на слѣдующій день не останется ничего болѣе, какъ нанести непріятелю послѣдній ударъ и погнать его изъ земли русской. Пылкій Багратіонъ письменно требовалъ рѣшительныхъ дѣйствій, и, даже впоследствии, въ письмѣ къ Аракчееву, упрекалъ Барклай-де-Толли въ томъ, что онъ не воспользовался удобной минутой, а Беннигсенъ, во главѣ нѣкоторыхъ старшихъ генераловъ, лично требовалъ отъ главнокомандующаго отмѣны сдѣланныхъ распоряженій. Только твердость Барклая позволила ему возстановить надлежащіе къ себѣ отношенія подчиненныхъ. Но можно съ увѣренностью сказать, что въ цѣлой русской арміи не было ни одного человѣка, который понималъ и могъ бы вполне оцѣнить виды нашего непопулярнаго главнокомандующаго (*). Тѣмъ въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ встаетъ передъ нами колоссальная воля Барклая, которому никто изъ современниковъ не сочувствуетъ, котораго всѣ ненавидятъ, почти всѣ считаютъ измѣнникомъ. Одна минута слабости и потворства патріотическому увлеченію, незнающему границъ, могла бы сдѣлать его популярнымъ.... И вой-

(*) Ериоловъ, вообще расположенный не въ пользу Барклая, въ запискахъ своихъ чрезвычайно ясно и опредѣлительно излагаетъ причины, почему атаковать французовъ и даже оставаться подъ Смоленскомъ было бы безуміемъ и, въ то же время, сознается, что самъ онъ, опровергая предложеніе Толя атаковать непріятеля, просилъ однако главнокомандующаго еще продержаться въ Смоленскѣ, хотя одинъ только день, что, не представляя никакихъ выгодъ, могло погубить нашу армію.

ска встрѣчали бы его не въ нѣмомъ молчаніи, а съ восторгомъ.... И какую легкую цѣною могло быть куплено все это! Цѣною слабости. Но Барклай не поддался соблазну и, всѣми ненавидимый, всего себя положилъ для успѣха того самаго дѣла, за которое его ненавидѣли (*). Что Барклай дѣйствовалъ такимъ образомъ не зря, а по убѣжденію, доказательствомъ можетъ служить слѣдующая выдержка изъ письма его къ государю:

- „Послѣдствія покажутъ, могъ ли я сдѣлать болѣе для спасенія государства. Еслибы моими поступками руководило легкомысленное тщеславіе, то Ваше Императорское Величество получали бы отъ меня реляціи о данныхъ мною сраженіяхъ, а непрітель, не смотря на то, былъ бы подъ стѣнами Москвы, не имѣя передъ собою силъ, достаточныхъ для ея защиты.

Однако, избавивъ еще разъ армію отъ гибели подъ Смоленскомъ, самъ Барклай рѣшилъ, что дальнѣйшее отступленіе безъ боя невозможно. Въ матеріальномъ, такъ сказать въ геометрическомъ отношеніи оно было, конечно, выгодно, потому что усиливало насъ подгрѣпленіями, ослабляло наступающаго непріателя, принужденнаго оставлять войска для обезпечиванія сообщеній и, такимъ образомъ, уравнивая числительность, давало больше шансовъ на успѣхъ въ неизбѣжномъ столкновеніи; но, кромѣ этихъ ариметическихъ расчетовъ, на войнѣ есть другой расчетъ, не менѣе важный—моральная сила войскъ. Въ войскахъ слышался явный ропотъ начальники дошли до того, что, не смотря на неприступность и холодное обращеніе главнокомандующаго, предъявляли ему открытыя и настойчивыя требованія. Сгущенный паръ, если не дать ему выхода, разрываетъ самыя прочныя оковы—сдерживая еще долѣе народныя страсти, можно было рассчитывать на конечную деморализацію войскъ. Минута необходимости уступить всеобщему настроенію, наконецъ, настала. Барклай понялъ это вовремя и рѣшилъ дать сраженіе, тѣмъ болѣе, что страшная численная несоразмѣрность воюющихъ сторонъ, имѣвшая мѣсто въ началѣ кампаніи, къ тому времени значительно уменьшилась.

Въ виду всего этого, начиная отъ самаго Смоленска, Барклай ищетъ позицію для принятія боя: сначала онъ думаетъ

(*) Въ желѣзной волю, въ умѣ и въ громкой услугѣ, оказанной Барклаемъ, усмиренному его отечеству, отказать ему никто не имѣетъ права; но князь Болконскій, устами котораго такъ часто говоритъ графъ Толстой, едва удостоиваетъ отозваться о Барклаѣ, какъ объ “очень аккуратномъ нѣмцѣ“ (стр. 264).

остановиться за рѣкой Ужей при селѣ Усвятѣ, потомъ у Дорогобужа, наконецъ у Вязьмы.

Самые вѣрные сторонники боя, какъ Багратіонъ, признали всѣ эти позиціи положительно неудобными для генеральнаго сраженія, и потому всѣ онѣ послѣдовательно были оставлены, пока армія не достигла Царева-Займища. Здѣсь рѣшено было наконецъ дать давно ожидаемое сраженіе, и оно было бы дано, если бы къ арміи не прибылъ Кутузовъ.

Новое впечатлѣніе—пробытія новаго главнокомандующаго—его имя, популярность, нѣсколько удачныхъ словъ, обращенныхъ къ войскамъ, вывели армію изъ того мрачнаго моральнаго настроенія, въ которомъ она находилась. Барклай отступить далѣе уже не могъ—безграничное довѣріе къ новому главнокомандующему доставляло ему возможность снова начать отступление.

Хотя левкій Кутузовъ, заботясь о собственной популярности, обошелся съ ненавидимымъ въ арміи Барклаемъ крайне сухо, и даже позволилъ себѣ открыто, при войскахъ, говорить противъ отступленія (*), но онъ одинъ, быть можетъ, изъ всѣхъ русскихъ, своимъ обширнымъ и гибкимъ умомъ оцѣнилъ по достоинству систему Барклая, и потому рѣшилъ еще отступить на нѣсколько переходовъ, чтобы еще болѣе ослабить этимъ непріятеля, и еще болѣе усилиться самому.

Оставленіе позиціи у Царева-Займища было тѣмъ болѣе полезно, что позиція эта была вовсе не такъ сильна какъ стараются доказать нѣкоторые иностранцы (**), и что къ арміи подходило подкрѣпленіе, подъ начальствомъ Милорадовича, числительностью въ 15,000 человекъ. Когда это подкрѣпленіе присоединилось, рѣшено было остановиться на позиціи у Бородина, куда прибыло еще 10,000 московскаго и смоленскаго ополченія. Никакихъ болѣе подкрѣпленій, до самой Москвы, армія присоединить къ себѣ не могла. Необходимость генеральнаго сраженія была слишкомъ очевидна, какъ нравственное удовлетвореніе народному чувству. Допустить непріятеля безъ боя до Москвы, значило не только деморализовать армію, но и подорвать народное довѣріе къ руководителямъ войны. Все это вполне взвѣсилъ и оцѣнилъ опытный Кутузовъ, и по

(*) „Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами“. Слова Кутузова по прибытіи къ арміи.

(**) Въ сочиненіи г. Богдановича (томъ II, стр. 119, 120) можно найти описаніе и оцѣнку позиціи при Царевъ-Займищѣ.

всѣмъ этимъ причинамъ рѣшилъ дать Бородинское сраженіе, тѣмъ болѣе, что численность нашихъ армій, включая сюда и иррегулярныя войска, не смотря на потери при Шавардинѣ, возрасла къ этому времени до 121,000, тогда какъ непріятель успѣлъ ослабиться до 130,000 и даже до 125,000 человекъ (*).

Мы нарочно остановились нѣсколько долѣе на разъясненіи хода событій, чтобы выяснитъ вполне на сколько сраженіе было необходимо для насъ, русскихъ, и какой глубокой смыслъ имѣло оно, вопреки легкомысленному мнѣнію автора, что оно не имѣло для насъ „ни малѣйшаго смысла“. Нѣтъ, въ подобной войнѣ, какъ война 1812 года, и въ подобномъ сраженіи, какъ Бородинское, гдѣ ложится съ обѣихъ сторонъ до 80,000 людей на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ, очерта голову не дѣйствуютъ, а рѣшаются на бой послѣ глубокихъ и зрѣло обдуманыхъ размышленій.

Что Бородинское сраженіе имѣло не меньшій смыслъ для французовъ—это понятно само собою. Еслибы они не приняли его, то есть отступили бы, то для чего же тогда было и начинать кампанію? Это бы значило сознаться въ неудачѣ въ то время, когда средства французовъ еще далеко превосходили наши. Мы уже говорили, что генеральное сраженіе было средствомъ для императора французовъ нанести намъ моральный и физическій ударъ; это средство Наполеонъ считалъ на столько сильнымъ и дѣйствительнымъ, что ставилъ его даже цѣлью. И дѣйствительно, если бы подобный ударъ былъ нанесенъ, если бы наша армія была уничтожена, и если бы вслѣдъ за тѣмъ была занята Москва то, повторю, весьма можетъ статься, Наполеону удалось бы заключить выгодный миръ. По крайней мѣрѣ, дальнѣйшее продолженіе борьбы, безъ арміи, съ деморализованнымъ населеніемъ, было почти невозможно, не смотря на твердую рѣшимость императора Александра.

(*) Въ вѣдомости, поданной Наполеону въ Гжатскѣ 21-го августа, наличный составъ войскъ показанъ въ 126, 498 человекъ. Дѣла при Гридневѣ и Колоцкомъ монастырѣ, бой при Шевардинѣ, потери отсталыми и оставленіе нѣсколькихъ баталіоновъ въ Гжатскѣ, уменьшили эту численность по крайней мѣрѣ на 10,000 человекъ; но, съ другой стороны, присоединеніе корпуса Латуръ-Мобура, дивизіи Пажоля и командъ, высланныхъ для добычанія събитныхъ припасовъ увеличило армію на цифру также не меньшую 10,000; такъ что безошибочно можно сказать, что численность французской арміи въ бородинскомъ бою едва превышала 125,000 человекъ и ни въ какомъ случаѣ не простиралась за 130,000 человекъ.

„Ежели бы полководцы руководились разумными причинами, казалось, какъ ясно должно было быть для Наполеона, что, зайдя за двѣ тысячи верстъ и принимая сраженіе съ вѣроятной случайностью—потери $\frac{1}{4}$ арміи, онъ шелъ на вѣрную погибель; и столь же ясно бы должно было казаться Кутузову, что, принимая сраженіе и тоже рискуи потерять четверть арміи, онъ навѣрное теряетъ Москву. Для Кутузова это было математически ясно, какъ ясно то, что ежели въ шашкахъ у меня меньше одной шашкой и я буду мѣняться, я навѣрное проиграю, и потому не долженъ мѣняться.

„Когда у противника 16 шашекъ, а у меня 14, то я только на одну восьмую слабѣ его; а когда я промѣняюсь 13 шашками, то онъ будетъ втрое сильнѣе меня“ (стр. 235).

Отвѣтомъ на эти соображенія автора можетъ служить вышеизложенный ходъ событій и разъясненіе ихъ. Главнокомандующіе не могли руководствоваться подобными соображеніями, потому что не были на столько ограничены, чтобы все на войнѣ основывать на ариметическомъ, а тѣмъ менѣе на шашечномъ расчетѣ. Шашечный расчетъ непримѣнимъ уже потому, что число шашекъ неизмѣнно; на войнѣ же одинъ получаетъ подкрѣпленія, другой—оставляетъ войска для обезпеченія тыла; повтому, если бы одна сторона, въ виду необходимости, и мѣнялась шашками, будучи слабѣе непріятеля, но если бы, въ тоже время, она рассчитывала получить подкрѣпленія, тогда какъ непріятель получить ихъ не могъ, а, напротивъ, долженъ былъ оставлять войска для обезпеченія сообщений, то расчетъ ея былъ бы, все-таки, вѣренъ. Такъ было и съ русской арміей, которая, не смотря на то, что въ Бородинскомъ бою помѣнялась шашками невыгодно для себя, получивъ подкрѣпленія въ Тарутинскомъ лагерѣ, вскорѣ превзошла числительностью армію непріятельскую.

И кто сказалъ автору, что мы „боялись больше всего въ мірѣ гибели Москвы“? Мы дорожили ею какъ нашимъ промышленнымъ, историческимъ и нравственнымъ центромъ; мы не могли отдать ее, не извѣдавъ счастья въ генеральномъ сраженіи—этого требовала честь такого народа какъ русскій и такого государства какъ Россія; но что мы не „боялись больше всего въ мірѣ“ потери Москвы—яснымъ доказательствомъ служить то, что мы ее оставили даже безъ боя подъ ея стѣнами; мы пожертвовали ею въ пользу средствъ для дальнѣйшаго веденія и успѣшнаго окончанія войны.

„До Бородинскаго сраженія наши силы приблизительно относились къ французскимъ какъ пять къ шести, а послѣ сраженія какъ одинъ

къ двумъ, то есть до сраженія 100,000 къ 120,000, а послѣ сраженія 50 къ 100. А вмѣстѣ съ тѣмъ умный и опытный Кутузовъ принялъ сраженіе. Наполеонъ же, гениальный полководецъ, какъ его называютъ, далъ сраженіе, теряя *четверть* арміи, и еще болѣе растягивая свою линію* (стр. 235).

Авторъ ужъ черезъ-чуръ свысока обращается съ цифрами. Численность нашей арміи при Бородинѣ равнялась не 100 тысячамъ, а 121-й тысячѣ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ (104 тысячи регулярныхъ и 17 тысячъ иррегулярныхъ) при 640 орудіяхъ. Численность непріятеля простиралась не до 120 тысячъ, а отъ 125 до 130 тысячъ при 587 орудіяхъ. Потеря наша при Бородинѣ, считая и разбѣжавшихся, превосходила 50 тысячъ человекъ; потеря французовъ—35 тысячъ человекъ. Мало того, авторъ руководствуется слишкомъ оригинальнымъ способомъ при вычисленіи пропорцій: по его словамъ, французы считали до сраженія 120 тысячъ человекъ, а послѣ сраженія 100 тысячъ. Изъ этихъ цифръ всякій, полагаемъ, въ правѣ вывести заключеніе, что французы потеряли въ сраженіи $\frac{1}{6}$ часть своихъ силъ; графъ же Толстой отсюда же выводитъ, что они потеряли $\frac{1}{4}$ арміи.

Затѣмъ авторъ, со всеусердіемъ силившійся доказать въ 1-й главѣ 2-й части, что только историки „любятъ говорить“ о томъ, какъ Наполеонъ понималъ опасность дальнѣйшаго наступленія изъ Смоленска, а что въ дѣйствительности „не только Наполеонъ не боялся растяженія своей линіи, но онъ радовался, какъ торжеству, каждому своему шагу впередъ“ (стр. 128), въ 19-й главѣ той же части, на стр. 236, начинаетъ вдругъ утверждать, что Наполеонъ до Бородина дѣлалъ „неоднократныя заявленія о желаніи вести переговоры“ и не получалъ на нихъ отвѣта.

Какъ же это такъ? То онъ не понималъ опасности и, какъ мальчикъ, радуется каждому шагу впередъ, то дѣлаетъ „неоднократныя заявленія о желаніи вести переговоры“! Для чего же онъ ихъ дѣлаетъ?

Но позвольте, какія же это однако „неоднократныя заявленія“, дѣлаемая Наполеономъ до Бородина? Историки до того „наивны“, что готовы утверждать, будто существовало одно лишь подобное заявленіе, это — вышеприведенный разговоръ Наполеона съ Тучковымъ 3-мъ, потому что предшествовавшая поѣздка Балашева была заявленіемъ со стороны императора Александра, на которое Наполеонъ не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта. Мы вполнѣ увѣрены, что графъ Толстой приве-

деть неопровержимыя доказательства своихъ словъ, и про-
леть свѣтъ на насъ бѣдныхъ, во тьмѣ блуждающихъ.

Пропустивъ, также совершенно новое открытіе, принадле-
жащее лично графу Толстому, будто бы Наполеонъ „зналъ,
что занятіе Москвы не будетъ концомъ кампаніи“ (стр. 235 и
236), а также повтореніе уже разъ высказаннаго мнѣнія, но
повтореніе въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ, что „принимая
Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступали не-
произвольно и *безсмысленно*“, перейдемъ ко 2-й половинѣ XIX
главы, трагующей о Бородинской позиціи и Шевардинскомъ боѣ.

Авторъ начинаетъ съ того, что безперемонно навязываетъ
всѣмъ историкамъ слова, въ которыхъ виновны лишь нѣкото-
рые иностранцы, намѣренно называющіе Бородинскую позицію
весьма сильною, чтобы оправдать такимъ образомъ недоста-
точность результата, достигнутаго Наполеономъ при Бородинѣ.
Авторъ говоритъ:

„*Всѣ* историки описываютъ дѣло слѣдующимъ образомъ:

„Русская армія, будто бы, въ отступленіи своемъ отъ Смоленска,
отъсккивала себѣ наилучшую позицію для генеральнаго сраженія, и
таковая позиція была найдена будто бы у Бородина.

„Русскіе будто бы укрѣпили впередъ эту позицію, влѣво отъ
дороги (изъ Москвы въ Смоленскъ), подъ прямымъ почти угломъ
къ ней, отъ Бородина къ Утицѣ; на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прои-
зошло сраженіе“.

Сколько намъ извѣстно, большая часть историковъ, напро-
тивъ того, находятъ, что позиція при Бородинѣ не была укрѣп-
лена вовсе въ томъ мѣстѣ, гдѣ непріятель атакował насъ: едва
успѣли мы набросать, наканунѣ сраженія, три олеши впереди
селенія Семеновскаго да люнетъ на курганѣ (батарея Раевска-
го), и тѣ не были еще вполнѣ окончены. Въ подтвержденіе
сошлемся хоть на сочиненіе Богдановича, томъ II стр. 142 и
143. Что руководило нашей арміей при отступленіи отъ Смо-
ленска до Бородина: единственно ли желаніе отыскать позицію,
или и другія причины, читатель уже знаетъ изъ поясненій, сдѣ-
ланныхъ нами выше, и, смѣемъ увѣрить, что поясненія эти не
принадлежать нашей фантазіи, но основаны на историческихъ
указаніяхъ.

Такъ какъ графъ Толстой утверждаетъ, что и онъ осно-
вывается на показаніяхъ историковъ и такъ какъ не вѣрить
ему мы не имѣемъ права, то остается одно: пожалѣть, что
онъ былъ не слишкомъ разборчивъ при выборѣ источниковъ.

Натурально, что историки въ этомъ не виноваты ни мало, потому что и въ ихъ средѣ, какъ во всякой, легкомысленные люди неизбѣжны.

Назвавъ *всѣмъ* историкамъ мнѣніе, принадлежащее развѣ очень немногимъ изъ нихъ, графъ Толстой начинаетъ весьма усердно опровергать его, что, конечно, дѣло слишкомъ не трудное; но усердіе увлекаетъ автора за предѣлы истины. Онъ говоритъ:

„Русскіе не отыскивали лучшей позиціи; а напротивъ въ отступленіи своемъ прошли *мною* позиціи, которыя были лучше Бородинской“ и далѣе: „важнѣе тогъ, что прежнія позиціи были сильнѣе“ (стр. 237).

Откуда добыть этотъ фактъ? Позиція при Бородинѣ была, нѣтъ спора, позиція не сильная, но чтобы предыдущія были сильнѣе ея—мы этого не слыхали. Нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ Блессонъ, восхваляли, правда, неприступность позиціи у Царева-Займища, но самъ Варклай-де-Толли, какъ и остальные очевидцы (Ермоловъ), не придавали ей такого значенія, хотя и находили ее сильнѣе предыдущихъ. Во всякомъ случаѣ, еслибы даже позиція при Царевѣ - Займищѣ и была нѣсколько сильнѣе Бородинской—принять бой при Бородинѣ было все таки выгоднѣе, потому что мы рассчитывали присоединить, и дѣйствительно присоединили 15,000 резервовъ Милорадовича и 10,000 ополченія, въ то время какъ непріятель, наступая, долженъ былъ еще болѣе ослабиться (*). Что же касается остальныхъ позицій, то онѣ положительно *никуда не уходились*, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ хоть бы и записки Ермолова, жаркаго сторонника боя.

Будучи вполнѣ безпристрастны, свѣшимъ отдать справедливость автору: указаніе его, что Бородинская позиція избрана была первоначально непосредственно за рѣкой Калочей, по нашему мнѣнію, совершенно вѣрно. До послѣдняго времени почти всѣ историки упускали это обстоятельство изъ вида, чего нельзя, впрочемъ, сказать о всѣхъ поголовно. Такъ Ермоловъ, въ запискахъ своихъ, весьма опредѣлительно говоритъ, что первоначальная позиція была занята за рѣкою Калочкою, упирався лѣвымъ флангомъ въ Шевардино; точно такимъ же образомъ описывалась Бородинская позиція, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при разборѣ кампаніи 1812 года, съ кафедры въ ака-

(*) Въ Гжатскѣ, напримѣръ, оставлено французамъ нѣсколько баталіоновъ.

деши генеральнаго штаба, что можетъ подтвердить сотни слушателей. Дѣло излагалось такимъ образомъ (*).

Первоначальная позиція при Бородинѣ занята была непосредственно за рѣкою Калочкою, упираясь правымъ флангомъ въ лѣсъ, обнесенный засѣками и усиленный укрѣпленіями, а лѣвымъ — въ высоту у селенія Шевардина, заблаговременно обезпеченную сильнымъ редутомъ. Позади лѣваго фланга находился пересохшій ручей, называемый въ запискахъ Ермолова рвомъ, затруднявшій сообщенія лѣваго фланга съ резервомъ. Объѣзжая позицію, утромъ 24-го числа, князь Кутузовъ замѣтилъ этотъ недостатокъ и приказалъ отклонить лѣвый флангъ такъ, чтобы пересохшій ручей былъ не въ тылу, а впереди нашихъ войскъ. Войска еще не успѣли исполнить предписаннаго передвиженія, какъ непріятель появился впереди нашего лѣваго фланга и атаковалъ редутъ, что заставило насъ защищать его, *чтобы дать возможность лѣвому крылу отступитъ въ порядкѣ на вновь избранную позицію.* Съ окончаніемъ этого передвиженія оборона редута становилась излишнею, но оборонявшій его князь Горчаковъ 2-й, военныя способности котораго далеко не соотвѣтствовали личной его храбрости, продолжалъ защищать редутъ и тогда, когда надобность въ томъ уже миновалась. Такимъ образомъ произошелъ упорный бой, продолжавшійся до самой ночи и извѣстный подъ именемъ Шевардинскаго боя. Мы потеряли въ немъ нѣсколько тысячъ человекъ, но нельзя сказать, чтобы онъ не принесъ намъ пользы; напротивъ того: мы увидѣли ясно, что, главную массу силъ, Наполеонъ переправилъ на правую сторону рѣки Калочи и что, слѣдовательно, отсюда, на нашъ лѣвый флангъ, надо ожидать главнаго удара, тогда какъ до этого времени мы опасались преимущественно за правый свой флангъ, гдѣ и массировали большую часть войскъ. Такимъ образомъ Шевардинскій редутъ случайно игралъ роль какъ бы передоваго пункта (**), почему большая часть историковъ и принимаетъ его за передовой пунктъ, избранный заранѣе, съ цѣлью разъяснить намѣренія французскаго главнокомандующаго.

(*) Конечно мы предлагаемъ здѣсь только краткое извлеченіе.

(**) Передовые пункты позиція избираются съ тѣмъ, чтобы разъяснить намѣренія противника; для достиженія этой цѣли при Бородинѣ „казачьяго, развѣзда“ вопреки мнѣнію автора (стр. 237), было недостаточно по той простой причинѣ, что онъ былъ бы прогнанъ развѣздами непріятельскими, которые составляютъ необходимую завѣсу всякой значительной арміи.

Эти указанія совершенно сходятся съ записками Ермолова (стр. 151—154) и, какъ кажется, съ истиной, но разнятся съ рассказомъ графа Толстаго, который, сказавъ, что Шевардинскій редутъ составлялъ лѣвый флангъ нашей позиціи, продолжаетъ:

„Наполеонъ, выйдя въ 24-го къ Валуеву, не увидалъ (какъ говорится въ исторіяхъ) позицію Русскихъ отъ Утицы къ Бородину (онъ не могъ увидѣть эту позицію, потому что ея не было), и не увидалъ передовой постъ Русской арміи, а наткнулся въ преслѣдованіи Русскаго аріергарда на лѣвый флангъ позиціи Русскихъ, на Шевардинскій редутъ, и неожиданно для Русскихъ перевелъ войска черезъ Колочу (*). И Русскіе, не успѣвъ вступить въ генеральное сраженіе, отступили своимъ лѣвымъ крыломъ изъ позиціи, которую они намѣревались занять и заняли новую позицію, которая была не предвидѣна и не укрѣплена“ (стр. 238).

Очевидно, что графъ Толстой не вполне уяснилъ себѣ, какъ атакуются позиціи, избираемыя для генеральнаго сраженія, и какииъ образомъ онѣ обороняются. Если бы мы не рѣшили заранѣе отклонить нашъ лѣвый флангъ, то, конечно, Наполеону не удалось бы овладѣть Шевардиномъ, атакуя этотъ пунктъ только незначительною частью своихъ силъ: пока онъ переводилъ войска черезъ Колочу, стягивалъ ихъ изъ походныхъ колоннъ и вводилъ въ дѣло, мы, очевидно, имѣли полную возможность подвести сюда резервы, вполне готовые къ бою и, сосредоточивъ превосходныя силы, перейти въ наступленіе. Такииъ образомъ мы могли даже нанести пораженіе части французской арміи, успѣвшей переправиться черезъ Колочу; Шевардинскій же редутъ, роль котораго въ первоначально занимаемой нами позиціи была чрезвычайно важна, ни въ какомъ случаѣ не былъ бы уступленъ непріятелю. Не забудемъ, что хотя, вслѣдствіе отклоненія лѣваго фланга позиціи, оборона редута и не имѣла для насъ большой важности, мы все таки продержались въ немъ до самой ночи. Чего же можно было ожидать, если бы съ обороной его было связано удержаніе едва ли не самаго главнаго пункта позиціи, избранной для генеральнаго боя?

(*) Рѣчку, впадающую близъ Бородина въ Москву-рѣчку, называютъ обыкновенно не Колочей, а Кажочей; но мы не смѣемъ прикасаться къ орфографіи автора, оставляя его писать „Русскіе военачальники“, „Французскія войска“, „Русскихъ работъ“, „Нѣмецъ“, и т. п. ~ *Авторъ.*

(*) Оставляя это замѣчаніе на ответственность автора, считаемъ нужнымъ оговорить, что въ „Географическомъ словарѣ“ упоминается „Колоцкий монастырь“ на р. Колочь. *Ред.*

Послѣдующія разсужденія автора (стр. 240) опровергаются сами собою; намъ только остается обратить вниманіе на мнѣніе, будто-бы:

„Русскіе военачальники *не хотѣли* или *не успѣли* начать тогда же 24-го вечеромъ генеральнаго сраженія“.

Если разъ избрана позиція для генеральнаго сраженія, то военачальники не могутъ хотѣть или не хотѣть защищать ее, но защищаютъ до послѣдней возможности; точно также обороняющійся *не начинаетъ* боя и потому не можетъ *не успѣть* начать его. Не успѣть начать боя можетъ наступающій; обороняющійся же, разъ позиція имъ избрана заранѣе, долженъ быть всегда готовъ, и, въ дѣйствительности, всегда бываетъ готовъ оборонять каждый пунктъ этой позиціи, особенно такой важный пунктъ, какимъ былъ бы въ данномъ случаѣ Шевардинскій редутъ.

Конецъ XIX главы, въ которой доказывается, что:

„*во все время* сраженія Русскіе имѣли противъ всей французской арміи, направленной на наше лѣвое крыло, вдвое слабѣйшія силы“, опровергается вполнѣ уже тѣмъ фактомъ, что общему числительностью мы немного уступали французамъ, и что почти вся наша армія (кромѣ резервной артилеріи, забытой у Псарева и нѣсколькихъ баталіоновъ праваго фланга) приняла участіе въ дѣлѣ, тогда какъ Наполеонъ не вводилъ въ бой ни старой, ни молодой своей гвардіи. Если же, на нѣкоторыхъ пунктахъ и въ нѣкоторые періоды боя, мы были слабѣе непріятеля, то это неизбѣжно случается во всякомъ сраженіи, и вотъ тутъ-то и проявляется значеніе главнокомандующаго, отъ распорядительности котораго зависитъ сосредоточить превосходныя силы именно на томъ пунктѣ, гдѣ рѣшается участь боя. И если бы мнѣніе автора, что „*во все время сраженія*“ на рѣшительномъ пунктѣ мы имѣли „*вдвое слабѣйшія силы*“, было справедливо, то этотъ фактъ служилъ бы самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ его же собственнаго мнѣнія, будто бы роль Наполеона при Бородинѣ была ничтожна.

Когда Наполеонъ послѣ блестящей кампаніи 1796—97 годовъ предсталъ передъ Директорію, и она, восхваляя его дѣйствія, упомянула, что французы побѣждали непріятеля не смотря на то, что были слабѣе его, онъ отвѣчалъ, что французы, хотя и уступали австрійцамъ общему числительностью, но при всѣхъ рѣшительныхъ встрѣчахъ имѣли на своей сто-

ронѣ численное превосходство. И это была правда. Въ этомъ то и заключается искусство главнокомандующаго, ключъ къ побѣдамъ, потому что тысяча храбрыхъ солдатъ, при прямомъ столкновеніи, никогда не побѣдитъ двухъ тысячъ такихъ же храбрыхъ, такъ же вооруженныхъ и дисциплинированныхъ, если, конечно, мѣстность не представляетъ какихъ нибудь особенностей.

При Бородивѣ же позиція наша была не сильна, вооруженіе и дисциплина противниковъ — были одинаковыя, опытомъ — французы превосходили насъ, а о храбрости одинъ изъ русскихъ участниковъ сраженія говорить, что „если бы „воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду своихъ повелителей, предстали на другой день передъ алтарь правды, „то слава, конечно, признала бы ихъ братьями“.

А. Ватмеръ.

1-е мая.

(Продолженіе будетъ.)